

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.037

УДК 7.036 + 316.7 + 159.923.2 + 82-343 +
+ 130.121 + 821.161.1

Роман Мних

¹ *Варшавский университет*

Варшава, Польша

² *Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского*

Нижний Новгород, Россия

СВОЙ VS ИНОЙ / ДРУГОЙ / ЧУЖОЙ В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ МОДЕРНИЗМА

В статье рассмотрена проблема *другого / чужого* в идейно-эстетической парадигме модернизма. В контексте модернистских идей проанализирована философия диалога и феноменологические проекты Другого в гуманитарном мышлении XX в. На этом фоне предложены интерпретации трех магистральных аспектов *другого / чужого* в модернизме: 1) мифологическая традиция, которая через образ Другого провоцирует образ врага; 2) романтическая традиция двойничества; 3) философская / феноменологическая традиция телесности, в контексте которой личность рассматривается как Я и «мое тело». Анализ идейного смысла этих аспектов предложен на примере поэтических произведений Александра Блока, Иннокентия Анненского и Осипа Мандельштама. В статье также подчеркнута, с одной стороны, условность такого разделения рассматриваемой проблемы на три аспекта, а с другой стороны — влияние анализируемых аспектов *другого / чужого* на культуру постмодернизма. Модернизм в европейской культуре в отличие от других культурно-исторических эпох характеризуется прежде всего тем, что многие его идеи и концепты были только провозглашены, но не представлены в виде законченных теоретических концепций / систем. В этом смысле модернизм оказался открытым для будущего, что позволяет назвать его «незавершенным проектом» (Ю. Хабермас). Предыдущие эпохи предлагали решения важных экзистенциальных проблем в виде законченных философских систем (И. Кант или Г. В. Ф. Гегель), идей или концептов (идея «вечного мира» и моральный императив у И. Канта, идея государства и права у Г. В. Ф. Гегеля). Модернизм под влиянием философии Ф. Ницше разрушал системность мышления, сомневался в традиционной морали и предложил парадоксальные решения многих проблем в виде вопросов-концептов, о которых мы размышляем и дискутируем до сегодняшнего дня. Одним из таких незавершенных модернистских проектов была концепция *другого / чужого*, вокруг которой уже более ста лет продолжаются дискуссии.

Ключевые слова: модернизм; другой; чужой; враг; миф; двойник; диалог; Эдмунд Гуссерль; Осип Мандельштам

Цитирование: Мних Р. *Свой vs иной / другой / чужой* в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 233–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.037>

Поступила в редакцию: 21.11.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Roman Mnich

¹ *University of Warsaw*
Warsaw, Poland

² *National Research Lobachevski State University
of Nizhny Novgorod*
Nizhny Novgorod, Russia

ONE'S OWN VS. OTHER / ANOTHER / ALIEN IN THE CONCEPTUAL AND AESTHETIC PARADIGM OF MODERNISM

This article focuses on the issue of the *Other/Alien* within the conceptual and aesthetic paradigm of modernism. In the context of modernistic ideas, the author analyses the philosophy of dialogue and phenomenological views on the Other as represented in the intellectual heritage of the twentieth century. Taking into consideration these ideas, the author discusses three mainstream aspects of the *Other/Alien* in Russian modernist literature: 1) mythological tradition, which provokes the image of the enemy through the image of the Other; 2) Romantic tradition of the double (*doppelganger*), and 3) philosophical / phenomenological notion of the body, which views personality as “me/Self” and “my body”. Conceptual analysis of these aspects is provided with reference to poetic texts by Alexander Blok, Innokenty Annensky, and Osip Mandelstam. The author stresses the conventionality of such a division, on the one hand, and the influence of the analysed aspects of the *Other/Alien* onto the conceptual system of Postmodernism. Modernism in European culture, in contrast to other historical periods, is characterised primarily by the fact that many of its ideas and concepts were only proclaimed, but not presented in the form of complete theoretical concepts/systems. In this sense, modernism turned out to be open to the future, which allows us to call it an “uncompleted project” (Jürgen Habermas). Previous eras offered solutions to important existential problems in the form of complete philosophical systems (Immanuel Kant or Georg Wilhelm Friedrich Hegel), ideas or concepts (Kant’s concept of “eternal peace” and a moral imperative, Hegel’s idea of state and law). Modernism, influenced by the philosophy of Friedrich Nietzsche, destroyed the systematic nature of thinking, doubted traditional morality, and offered paradoxical solutions to many problems in the form of conceptual questions, which are discussed to this day. One of these uncompleted modernist projects was the concept of the *Other/Alien*, discussions about which have been going on for over a century.

Key words: modernism; Other; Alien; enemy; myth; *doppelganger*; dialogue; Edmund Husserl; Osip Mandelstam

For citation: Mnich, R. (2021). *Svoi vs inoi / drugoi / chuzhoi v ideino-esteticheskoi paradihme modernizma [One's Own vs. Other / Another / Alien in the Conceptual and Aesthetic Paradigm of Modernism]*. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 233–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.037>

Submitted: 21.11.2020

Accepted: 25.03.2021

Среди тех проблем, которые постоянно к нам возвращаются из прошлых эпох и одновременно актуализируются разными способами и средствами в наше время, вопрос об *ином* / *другом* / *чужом* является, пожалуй, самым фундаментальным. Всевозможные уровни и разные аспекты этого вопроса сопровождали человека всегда, были регуляторами поведения и общения в древних обществах; те же проблемы беспокоят ученых и сегодня, провоцируя рефлексии в разных областях научного и «ионаучного», по терминологии Сергея Аверинцева, знания. Очевидно, что практически любой конфликт в мифологии, истории и даже современности (социальный, политический, идеологический психологический, антропологический, религиозный, семейный) в своей основе содержит проблему *иного* / *другого* / *чужого*.

Парадоксальным образом эта же проблема имеет не только внешние по отношению к нашему Я (как бы мы его ни понимали) корни, но и внутренние, касающиеся онтологической структуры индивидуального сознания человека. Философия XX в. со всей очевидностью показала, что психологическая конструкция нашего индивидуального сознания и нашего Я во многом зиждется на проблеме отношения к себе как *другому* / *чужому*. Открытия и идеи Михаила Бахтина, касающиеся проблемы и ценности Другого в их этическом и эстетическом измерении [Демидова] во многом способствовали экстраполяции вопроса о *другом* / *чужом* в область русского литературоведения, в то время как в западном литературоведении эта проблематика была обусловлена преимущественно влиянием представителей феноменологии. Публикации последних лет ярко свидетельствуют о том, что весь обозначенный комплекс проблем так или иначе отражался и отражается в художественной литературе, причем наиболее ярко — в поэзии, как самом субъективном способе репрезентации творческого сознания [Бройтман, с. 211–282].

В современном гуманитарном дискурсе отсутствует четкая терминология, описывающая теоретический уровень понятий *иной* / *другой* / *чужой*, а также субъектов, «наделенных» этими понятиями. Обращение философов, психологов и литературоведов к этим понятиям, равно как и их обращение к понятиям личности, человека, субъекта, Я, всякий раз зависит от текстов или переводов текстов тех классических мыслителей, к наследию которых обращается исследователь. Понятно, что в контексте мысли Михаила Бахтина понятия *другого* / *чужого* будут иметь иное значение, нежели в теоретическом дискурсе Мартина Хайдеггера или Макса Шелера. Поэтому в настоящей статье я буду исходить из следующих соображений. В плане терминологическом понятия *иной*, *другой*, *чужой*, конечно же, отличаются семантикой, а иногда и сферами научного употребления. В лексико-морфологическом отношении понятие *иной* родственно *чужому* хотя бы по принципу словообразования: *инопородный* / *чужеродный*. Понятие *другой* ассоциируется прежде всего с другим человеком, другим Я (другим субъектом), хотя, как показал опыт философии XX в., вполне реальна и проблема «Я как Другой». В таком контексте именно понятия *чужой* и *другой* представляют семантические полюса по отношению к Я: *другой* как

просто иной по отношению ко мне, а *чужой* — как враждебный по отношению ко мне. И в таком смысловом разграничении я буду обращаться к этим понятиям в данной статье.

В европейской гуманитарной мысли проблема *другого* / *иного* / *чужого* со всей ее очевидностью была поставлена — но, конечно, не решена — философией модернизма. Понятно, что разнообразные теоретические попытки объяснения этой проблемы мы встречаем и в предыдущих эпохах (в философии Средневековья, например, или в идеологии романтизма), но ни в одну эпоху перед модернизмом эти вопросы не были так широко представлены во всех областях гуманитарного знания и творчества (психология, философия, теология, художественная литература) и не отразились в таком огромном количестве исследований и публикаций. Весьма характерно, что понятие *другой* (*Der Andere*) представлено как одно из центральных в энциклопедии ключевых понятий европейской философии именно XX в. [Welsen], где оно рассматривается в двух основных аспектах: как понятие философии диалога и как понятие феноменологии. Петер Вельзен, автор упомянутой энциклопедической статьи, подчеркивает, что, несмотря на то, что проблема Другого была актуальной для философии немецкого идеализма, именно в начале XX в. она становится магистральной в гуманитарном мышлении. Философия диалога и феноменология рассматривали проблему Другого с разных точек зрения, но для современной научной парадигмы (уже XXI в.) именно феноменологический опыт оказывается более актуальным [Welsen, S. 7]. В связи с этим в своей статье П. Вельзен рассматривает последовательно проблему Другого у шести самых видных представителей феноменологии прошлого столетия (Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса и П. Рикера).

В этих мыслях немецкого автора прочитывается не столько критика философии диалога, сколько констатация своеобразного «поражения» философии диалога как эпистемологического проекта в идейной и культурной парадигме XX в. Отмечу, что своеобразная критика философии диалога прослеживается также и в современной религиозной философии, поскольку нынешние гуманитарии фундаментальный диалог между Богом и человеком переносят исключительно в область диалога между разными человеческими Я, что приводит к характерному для модернизма «культурному униформизму» [Kierés]. Может ли человек обрести себя и свою сущность в диалоге с другими людьми, или же ему необходим для этого диалог с Богом? — это фундаментальный вопрос, разные ответы на который составляют ядро сегодняшних теологических решений вопроса о Другом.

Подчеркну также, что вопрос о сущности диалога предстает огромной проблемой не только для религиозных мыслителей, но и для целого ряда российских гуманитариев, критически настроенных по отношению к идеям М. Бахтина. Безусловно, М. Бахтин был уникальным явлением в русской культуре XX в., и популярность его идей стала причиной своеобразной «бахтинизации» русского литературоведения [Мних, 2005]. Но даже сегодня, после издания корпуса

текстов ученого, огромной проблемой остается вопрос об источниках идей М. Бахтина, в том числе и идей о сущности диалога. Сергей Аверинцев в разговоре с Михаилом Гаспаровым в этой связи замечал следующее: «Отсутствие ссылок ни о чем не говорит: Бахтин не ссылался на Бубера. Я при первой же встрече (к неудовольствию окружающих) спросил его – почему; он неохотно ответил: “Знаете, двадцатые годы...” Хотя антисемитизм у нас был выдуман позже» [Гаспаров, с. 110].

Если же мы будем говорить о сущности диалога в жизни и творчестве самого М. Бахтина, то тот же М. Гаспаров в октябре 1992 г. в письме Ирине Подгаецкой так объяснял ситуацию: «Читаю американскую биографию Бахтина, о которой много слышал. Очень хорошая. Конечно, в жизни у него всё было наоборот взглядами (sic! — Р. М.): несмотря на культ романа, любил (“авторитарную”) поэзию и зачитывал собеседников наизусть; *несмотря на культ диалога, не замечал своих собеседников и не всегда отличал их друг от друга*» (курсив мой. — Р. М.) [Ваш М. Г., с. 128]. А через полгода, весной 1993 г. в письме М. Гаспарова к Наталии Автономовой читаем своеобразное продолжение этих рассуждений: «У меня всё больше записей в книжке о том, что *диалог — вещь немыслимая*, что это лишь нашинкованные монологи, и что собеседник занят пониманием собеседника ровно настолько же, насколько геолог пониманием камня» (курсив мой. — Р. М.) [Там же, с. 335]. Как видим, контекст приведенных высказываний М. Гаспарова выстраивает совершенно другую перспективу и концепцию Другого в культуре, основанную на «немыслимости» диалога как такового.

Очевидно, мысли М. Гаспарова (как это ни парадоксально!) в какой-то мере оказываются сродни тем феноменологическим проектам Другого в культуре XX в., в которых основное внимание сосредоточено не на диалоге, а на проблемах постижения, с одной стороны, внутреннего мира человека, а с другой — постижения мира самим человеком как индивидуальным Я. В связи со сказанным вспомним, что часть исследователей видит в проблематизации вопроса о Другом в современной гуманитарной мысли «воскрешение субъекта» [Можейко, Майборода, с. 342], а также введение этого субъекта в разнообразные парадигмы отношений в постмодернистском обществе — от отношений к Богу до отношений к массам, коллективу, друзьям и врагам.

Возвращаясь к эпохе модернизма, отмечу, что именно модернизм, выражаясь фигурально, серьезно засомневался в том, что Я — это действительно Я, а не кто-то Другой: речь шла о новом понимании Я (прежде всего у Э. Гуссерля), а также новых подходах к пониманию проблемы отношения между телом и сознанием человека. Европейский модернизм актуализировал также огромный потенциал мифологического и романтического мышления на тему другого, чужого, врага, двойника, тени. В литературе в этом плане *чужими* («остраненными» и «отстраненными») оказались разные стороны поэтической целостности произведения: от художественного мира до отдельного слова / образа. Поэтика именно «чужого слова» впоследствии станет краеугольным камнем интертекстуальности в теории и практике европейских постмодернистов. Среди

упомянутых трех обозначений (*иной / другой / чужой*) самые существенные — это *другой* и *чужой*, поскольку понятие *иного* не настолько индивидуально эксплицировано в текстах эпохи модернизма, и оно может быть обобщенным обозначением как *другого*, так и *чужого*. В европейской культуре первой половины XX в. проблема *другого / чужого* ярче всего проявилась в философии диалога (Я и Другой), постулировавшей экзистенциальную необходимость Другого для существования Я. Одновременно эта же проблема была заявлена в самых разных социальных, гуманитарных и политических дискурсах, что особенно касается вопроса о *чужом*: от «чужого любовника» в романах до «врагов народа» и «врагов Рейха» в политических дискурсах.

Анализируя конкретный материал эпохи модернизма, мы можем говорить о том, что в идейно-эстетической парадигме этого времени проблема *другого / чужого* актуализировалась в трех аспектах, которые в свою очередь были связаны с разными дискурсами эпохи.

Во-первых, обращение к мифу, мифологическим мотивам и структурам, актуализировало вопрос о *чужом*, прежде всего в семантике *чужой* как враг. В политическом дискурсе модернизма, особенно в период перед Первой мировой войной и после — во время утверждения сталинского режима в России, а гитлеровского в Германии — проблема врага (врага народа, врага государства, врага нации, личного врага вождей) становится магистральной. В своих корнях эта проблема, как показали работы Э. Кассирера [Cassirer], представляла собой прежде всего возврат к мифологическим структурам сознания: на дихотомии «свой — чужой как враг» держится практически всякая мифологическая система образов и мотивов. Одновременно господство этого мифологического по сути сознания в обществе позволило в России утвердиться во власти большевикам, выиграть гражданскую войну и расстрелять царскую семью Романовых, а в Германии «борьба против врагов нации» помогла Гитлеру захватить власть в стране и утвердить нацистский режим. Не вдаваясь сейчас в анализ очень сложных отношений между идеологией европейского модернизма и идеологиями, породившими Первую мировую войну, подчеркну, что именно война актуализировала проблему Другого как врага в эту эпоху.

Второй аспект, тоже связанный с семантикой мифа, но в большей мере представляющий романтическую традицию, — это проблема Другого как двойника / двойников. Как я уже упоминал, двойничество было одним из магистральных концептов эпохи романтизма, который в русском модернизме был усилен идеологией «Двойника» Ф. Достоевского. Насколько эта проблема была важной и многослойной для русской культуры, свидетельствуют три разные статьи о двойничестве в словаре, посвященном поэтике и эстетике Ф. Достоевского. Но если в теории и практике романтиков проблема двойника отражала сущность романтического двоemiрия, то у Ф. Достоевского двойничество было связано с той экзистенциальной катастрофой субъекта, которую видный филолог и философ Дмитрий Чижевский назвал потерей «онтологического места в мире» [Мних, 2015, с. 406–410]. Исследователи отмечают, что эта онтологическая

неустойчивость личности в художественном мире Ф. Достоевского является прежде всего следствием нравственной деградации человека, что в свою очередь связано с невозможностью осуществить на земле свое предназначение [Васильева].

Двойничество в самых разнообразных семантических ракурсах стало лейтмотивом в литературе эпохи модернизма: оно отразилось на уровне художественных образов (двойник, Голем, Недотыкомка), на уровне структуры текста и сюжета, на уровне общей идеологии символистов. В концентрированном виде проблема двойника представлена в известном стихотворении А. Блока «Двойник» (1915) [Блок, с. 9–10], представляющем целый комплекс романтических традиций в их модернистском преломлении: старость / молодость, движение / покой, любовь / ненависть, миг / вечность, день / ночь, кажущееся / действительное. В специальной статье, посвященной этому тексту А. Блока, известный блоковед Д. Максимов отмечал, что рассматриваемое стихотворение представляет «ощущение беспримерной смысловой спаянности» и отражает «объективное идеальное бытие» эпохи с ее теориями «вечного возвращения», «святого воспоминания», «мистического откровения» [Максимов, с. 152–182].

Если речь идет об этом аспекте осмысления проблемы Другого, то именно в литературе и эстетике модернизма актуализируется утверждение / убеждение / идея о том, что всякая личность по сути своей не является неделимой целостностью (*индивидуумом* в этимологическом значении этого слова), но содержит в себе одновременно как бы несколько личностей / личин. Эту идею чрезвычайно точно определил Александр Блок в записке 1915 г. к Елене Тагер: «В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей» [Воспоминания Е. М. Тагер..., с. 303]. Такая ситуация и порождает отношение к себе как Другому, заявленное на разных уровнях осмысления модернистского двойничества.

Но в литературе модернизма концепт двойничества иногда представлял и совершенно другой ракурс проблемы, как, например, в стихотворении И. Анненского «Двойник» [Анненский, с. 56]. Первый стих этого текста — «Не я, и не он, и не ты...» — в какой-то мере провоцирует ницшеанский контекст «ближнего» и «дальнего»: «ты» как ближний, а «он» как дальний по отношению ко мне. Отмечу также, что постмодернизм, конечно же, унаследовал модернистские концепции двойничества, но чаще всего сводил их к формальным литературным приемам, подчеркивающим раздвоенность и зеркальность бытия. Иосиф Бродский, анализируя подобные приемы в творчестве Владимира Набокова, назвал их «принципом рифмы»: «В конечном счете, главная его тема: раздвоенности, зеркальности бытия, отражения одной жизни в другой, эха и т. д. — есть не что иное, как разогнанный до гигантских масштабов принцип рифмы» [Мельников, с. 157–158].

Наконец, третий аспект заявленной проблемы связан с философским дискурсом на тему Другого, отразившимся прежде всего, как уже отмечалось,

в философии диалога и в феноменологии. С одной стороны, опубликованная в 1923 г. книга Мартина Бубера «Я и Ты» представила своеобразный вариант экзистенциальной философии, и это был совершенно другой полюс по отношению к проекту М. Хадейггера: не заброшенность в мире, а диалог с Другим, таким же, как и Я. С другой стороны, феноменология выдвинула на новый уровень проблему сознания личности и осознания ею своего бытия — материального, этического, даже эстетического. Отсюда феноменологические вопросы о формализме в этике, о симпатии и о «ресентименте в структуре моралей», наконец, фундаментальный вопрос о телесности личности и связанных с этой телесностью проблемах восприятия окружающего мира.

Философская феноменологическая проблематика, касающаяся вопроса о Другом, очень ярко отразилась в поэзии модернистов. Поэзия отличается исключительной концентрацией смысла и символики в пределах небольшого по размерам текста, кроме того, поэзия представляет особый, спонтанный опыт творческого сознания, что принципиально важно для феноменологии [Hamburger]. Не вдаваясь сейчас в дискуссии по поводу онтологии поэтического вдохновения, а также связи поэзии и философии, отмечу, что европейская философия начала XX в. очень часто обращалась к поэтическому опыту для подтверждения своих выводов и теорий, а философские дискуссии и открытия начала XX в., в свою очередь, отражались в литературе и, возможно, прежде всего в поэзии. Правда, само обращение философов XX в. к опыту поэзии парадоксально. Ведь если учесть традицию Платона в европейской философии и те идеи, которые высказывал древнегреческий философ на тему поэтов и поэзии, то следует действительно считать парадоксом тот факт, что самые видные философы первой половины XX в. обращались к опыту поэзии для подтверждения своих идей и мыслей. Как известно, Платон рассматривал поэзию как род безумия, как «подражание подражания» и предлагал изгнать поэтов из идеального государства [современный контекст проблемы см.: Timmermann]. И когда Мартин Хайдеггер для разъяснения понятия истины одновременно обращается и к Платону, и к Ф. Гёльдерлину, то возникает вопрос о том, как соотносятся эти две истины в истории культуры и философии.

Возвращаясь к третьему аспекту проблемы Другого в модернистских дискурсах, вспомним, что одной из важнейших проблем в феноменологии XX в. стала проблема тела и телесности, которая тоже рассматривалась в аспекте вопроса о Другом. Э. Гуссерль специально отмечал сложность конституирования тела в феноменологическом опыте, подчеркивая, что тело изначально представляет собой физическую вещь и одновременно является органом восприятия окружающего мира (*Wahrnehmungsorgan des erfahrenden Subjektes*); тело, обладая реальными физическими свойствами, излучает тепло, позволяет ощутить холод, прикосновения к предметам внешнего мира, т. е. обладает чувствами, которых не достаёт другим, чисто материальным вещам [Husserl, S. 144–147]. Именно у Э. Гуссерля намечается такое своеобразное разделение личности на Я и «мое тело», которое мы встретим в знаменитом стихотворении Осипа Мандельштама

«Дыхание» [Мандельштам, с. 91–92]. Уже первая строфа этого стихотворения («**Дано** мне тело — что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим?») репрезентирует со всей очевидностью проблему Другого: Я и «мое тело», т. е. что-то другое по отношению ко мне как субъекту. Как видим, в мире, который представляет этот текст, очень сложное отношение человека к самому себе раздваивается на отношение к своему телу и отношение к себе — субъекту, которому это тело дано. Парадокс ситуации состоит в том, что тело оказывается «своим» (моим) и одновременно как бы «отделенным» от мыслящего субъекта. По отношению к Я тело — это нечто другое, и в этом ракурсе мы сразу же сталкиваемся с парадигмой «*свой (мой) — иной (чужой)*».

В связи со сказанным, вспомним, что в первой публикации стихотворение О. Мандельштама начиналось иначе: «**Имею** тело: что мне делать с ним...»; оно было своеобразной реакцией на стихотворение Ф. Сологуба «Больному сердцу больно..» [Лекманов, с. 453–456]. Таким образом, в сознании О. Мандельштама противопоставление тела и субъекта как «носителя» тела присутствовало на разных феноменологических уровнях: изначального обладания или полученного дара. Но для нас самое важное в этом контексте — это то раздвоение личности на Я и «тело», которое мы встречаем в художественном мире стихотворения. Тело становится *другим / чужим* по отношению к Я, и, по всей видимости, именно с телом связаны образы дыхания, тепла, в то время как образ «темницы мира» представляет платоновскую традицию и связан с Я. Исследователи уже отмечали, что «Осип Мандельштам интуитивно осмыслил проблему взаимоотношения бытия и сознания в феноменологическом ключе, о чем свидетельствуют типологические сближения его семантических идей с учением Э. Гуссерля и его последователей» [Кихней, с. 33]. Отмечу также, что подобный феноменологический опыт мы наблюдаем и в стихотворении И. Анненского «У гроба», представляющем встречу Я с «ужасом тела» [Анненский, с. 56].

Подводя итоги сказанному, отмечу, что Другой как враг, Другой как двойник и Я как Другой — это три магистральных аспекта проблемы *другого / чужого* в идейно-эстетической парадигме модернизма. Они соотносимы с мифологической, романтической и философской традициями, но, конечно же, не сводимы к ним. В модернизме вопрос о *другом / чужом* провоцировал проблемы идентичности и самоидентичности (национальной, социальной, языковой), но при этом в философии «не я» (Другой) оказывался необходимым собеседником, без которого нет и меня как личности, а в политике и истории Другой представлял прежде всего врага и противника. Поэзия модернистов содержит удивительные по своей символической глубине примеры феноменологического опыта о Другом, эти примеры отражают коренную ломку сознания и варианты его раскола в начале XX в. [Кадимов].

Конечно же, определение только трех аспектов проблемы *другого / чужого* является в определенной мере методологической условностью, позволяющей прежде всего структурировать саму проблему. Идеология модернизма была богаче и сложнее, нежели наши сегодняшние интерпретации этой эпохи,

и большинство своих идей на тему *другого / чужого* модернизм почерпнул из предыдущих эпох. До эпохи модернизма европейская гуманитарная мысль не знала такой глубокой рефлексии, касающейся философской сути вопроса о *другом / чужом*. За исключением, возможно, образов евреев, в русской литературе до эпохи модернизма вообще вопрос о *чужом* как враге не заострялся: французы в «Войне и мире» Л. Толстого или в «Былом и думах» А. Герцена, конечно же, враги, но не в такой мере, как сами русские, «враги народа» в литературе и публицистике 1920–1930-х гг.

Модернизм оставил нам в наследство множество нерешенных проблем, в том числе и проблему *другого / чужого*. Если предыдущие эпохи предлагали всё-таки решения экзистенциальных проблем в виде законченных философских систем (И. Кант или Г. В. Ф. Гегель), идей или концептов (идея «вечного мира» и моральный императив у И. Канта, идея государства и права у Г. В. Ф. Гегеля), то модернизм, разрушая системность мышления и традиционную мораль, предложил парадоксальные решения в виде вопросов-концептов, о которых мы размышляем и дискутируем до сегодняшнего дня. Модернизм — прежде всего в художественном творчестве — оставил нам в качестве наследия также многие попытки и предложения по поводу решения проблемы *другого / чужого*. Современная культура пытается как-то актуализировать это наследие, однако общая идеологическая тенденция современности — эта замена *другого чужим* (прежде всего — врагом) на самых разных уровнях: в религиозных храмах или школах, на избирательных участках и в парламентах, даже среди знакомых и друзей. В этом смысле современность свернула с пути философии диалога (конфессионального, экуменического, политического, общественного) в сторону мифологического сознания, об опасностях которого предупреждал Эрнст Кассирер в последней своей книге, посвященной мифу государства. В современном мире философия диалога все больше выглядит утопией, потому что в человеческом обществе XXI в. мифическое мышление своим радикализмом «перевешивает» мышление рациональное [Cassirer, S. 7]. Попытки преодоления в себе чувства *чужого* по отношению к *другому* предлагает художественное творчество, и в этом смысле оно оказывается оптимистичнее жизни. В свое время Юрий Лотман, анализируя отношения *своего* и *чужого* в культуре, подчеркивал, что на этих отношениях «основаны наиболее трагические противоречия человеческой истории», но в искусстве эти «фундаментальные противоречия предстают перед нами как некое высшее тождество», поэтому искусство, предлагая парадоксальные решения, снимает противоречия [Лотман, с. 24]. Опыт модернизма в этом плане, конечно же, не был исключением, и только наше будущее может показать, насколько оптимизм Ю. Лотмана был оправдан и насколько искусство всё еще способно влиять на жизнь.

Источники

Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л. : Советский писатель, 1990.

Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3 : Стихотворения. Книга третья (1907–1916). М. : Наука, 1997.

Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб. : Академический проект, 1997.

Исследования

Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура. М. : РГГУ, 1997.

Васильева М. А. Проблема двойника в работах Пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. С. 95–106.

Ваш М. Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / [сост. Е. Шумилова]. М. : Новое изд-во, 2008.

Воспоминания Е. М. Тагер о Блоке. Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии IV. 1961. С. 296–303.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Демидова Е. В. О ценности другого в философии поступка М. М. Бахтина через призму современных дискуссий о другом // Другой в литературе и культуре : сб. науч. тр. : в 2 т. / [ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмов]. М. : Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1. С. 9–30.

Кадимов Р. Г. Тема раздвоенного сознания в поэзии Блока и Анненского // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 85–93.

Кихней Л. Г. «Феноменологические» открытия О. Мандельштама: «Закон тождества» как принцип конституирования поэтического смысла // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Житенева. Воронеж : Изд.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 33–47.

Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск : Водолей, 2000.

Лотман Ю. Роль искусства в динамике культуры // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* IV. «Свое» и «чужое» в литературе и искусстве. 1995. С. 9–24.

Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л. : Советский писатель, 1981.

Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910–1980-е годы). М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Мних Р. Три заметки о бахтинизации современного литературоведения // Бахтинский вестник. Орел, 2005. С. 637–642.

Мних Р. Философ Дмитрий Чижевский (полемические заметки) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. 2015. С. 396–414.

Можейко М. А., Майборода Д. В. Другой // Новейший философский словарь / [гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов]. Минск : Книжный дом, 2001. С. 342–343.

Cassirer E. Vom Mythos des Staates. Hamburg : Felix Meiner Verl., 2002.

Hamburger K. Die phänomenologische Struktur der Dichtung Rilkes // *Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 1965. Bd. 10. S. 217–234.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV : Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 2 : Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution / Hrsg. von M. Biemel. Haag : Martinus Nijhoff, 1952. (Husserliana ; Bd. IV)

Kierś H. Dialogu filozofia // *Powszechna encyklopedia filozofii*. T. 2 : C — D / red. A. Maryniarczyk. Lublin : Polskie Towarzystwo Tomasza z Akwinu, 2001. S. 570–571.

Timmermann J. Platon // *Ästhetik und Kulturphilosophie. Von der Antike bis zur Gegenwart in Einzeldarstellungen* / Hrsg. von J. Nida-Rümelin und M. Betzler. Stuttgart : Alfred Kröner Verl., 1998. S. 631–640.

Welsen P. Der Andere // Schlüsselbegriffe der Philosophie des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von C. Bermes und U. Dierse. Hamburg : Felix Meiner Verl., 2010. S. 7–23.

References

Broytman, S. N. (1997). *Russkaia lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: subjektno-obraznaia struktura* [Russian Lyric Poetry of the 19th — Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: Subject-Image Structure]. Moscow: RGGU.

Cassirer, E. (2002). *Vom Mythos des Staates*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Demidova, E. V. (2019). O tsennosti drugogo v filosofii postupka M. M. Bakhtina cherez prizmu sovremennykh diskussij o drugom [On the Value of the Other in the Philosophy of the Act of M. M. Bakhtin through the Prism of Modern Discussions about the Other]. In A. G. Stepanova, & S. Yu. Artemova (Eds.), *Drugoj v literature i kulture* [The Other in Literature and Culture] (Vol. 1, pp. 9–30). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Gasparov, M. L. (2008). *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Hamburger, K. (1965). Die phänomenologische Struktur der Dichtung Rilkes. *Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*, 10, 217–234.

Husserl, E. (1952). *Gesammelte Werke. Bd. IV: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 2: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution* (M. Biemel, Ed.). Haag: Martinus Nijhoff.

Kadimov, R. G. (2007). Tema razdvoennogo soznaniia v poezii Bloka i Annenskogo [The Theme of a Split Consciousness in the Poetry of Blok and Annensky]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 1, 85–93.

Kierś, H. (2001). Dialogu filozofia. In A. Maryniarczyk (Ed.), *Powszechna encyklopedia filozofii* (Vol. 2: C — D, pp. 570–571). Lublin: Polskie Towarzystwo Tomasza z Akwinu.

Kikhney, L. G. (2008). “Fenomenologicheskie” otkrytiia O. Mandelshtama: “Zakon tozhdestva” kak printsip konstituirovaniia poeticheskogo smysla [“Phenomenological” Discoveries of O. Mandelstam: “The Law of Identity” as a Principle of Constituting Poetic Meaning]. In A. A. Zhitenev (Ed.), *Osip Mandelstam i fenomenologicheskaiia paradigma russkogo modernizma: sbornik nauchnykh trudov* [Osip Mandelstam and Phenomenological Paradigm of Russian Modernism] (pp. 33–47). Voronezh: Voronezh State University Publishing Centre.

Lekmanov, O. A. (2000). *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [Book on Acmeism and Other Works]. Tomsk: Vodoley.

Lotman, Yu. (1995). Rol’ iskusstva v dinamike kultury [The Role of Art in the Dynamics of Culture]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV. “Svoe” i “chuzhoe” v literature i iskusstve*, 9–24.

Maksimov, D. (1981). *Poeziia i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose by Al. Blok]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’.

Melnikov, N. (2013). *Portret bez skhodstva. Vladimir Nabokov v pis’makh i dnevnikakh sovremennikov (1910–1980-e gody)* [A Portrait without Resemblance. Vladimir Nabokov in Letters and Diaries of his Contemporaries (1910s–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Mints, Z. G. (Ed.). (1961). Vospominaniia E. M. Tager o Bloke [Memories of E. M. Tager about Blok]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii IV*, 296–303.

Mnich, R. (2005). Tri zametki o bakhtinizatsii sovremennogo literaturovedeniia [Three Notes on the Bakhtinisation of Modern Literary Criticism]. *Bakhtinskiy vestnik* (pp. 637–642). Orel.

Mnich, R. (2015). Filosof Dmitry Chizhevsky (polemicheskie zametki) [Philosopher Dmitry Chizhevsky (Polemical Notes)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2014–2015*, 396–414.

Mozheyko, M. A., & Mayboroda, D. V. (2001). Drugoy [Other]. In A. A. Gritsanov (Ed.), *Novejsiiy filosofskiy slovar’* [The Newest Philosophical Dictionary] (pp. 342–343). Minsk: Knizhnyi Dom.

Shumilova, E. (Comp.). (2008). *Vash M. G. Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova* [Your M. G. From the Letters of Mikhail Leonovich Gasparov]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Timmermann, J. (1998). Platon. In J. Nida-Rümelin, & M. Betzler (Eds.), *Ästhetik und Kulturphilosophie. Von der Antike bis zur Gegenwart in Einzeldarstellungen* (pp. 631–640). Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.

Vasilyeva, M. A. (2010). Problema dvojnika v rabotakh Prazhskogo Seminarii po izucheniiu Dostoevskogo: Otkrytoe prostranstvo [The Doppelganger Issue in the Works of the Prague Seminary for the Study of Dostoevsky: Open Space]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 95–106.

Welsen, P. (2010). Der Andere. In C. Bermes, & U. Dierse (Eds.), *Schlüsselbegriffe der Philosophie des 20. Jahrhunderts* (pp. 7–23). Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Мних Роман

доктор филологических наук,

¹ адъюнкт кафедры русистики

Варшавский университет

Krakowskie Przedmieście, 26/28,

00-927, Warszawa, Polska;

² научный сотрудник кафедры

зарубежной литературы

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

Mnich, Roman

Dr. Hab. (Philology),

¹ Assistant Professor

Department of Russian Studies

University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście,

00-927 Warsaw, Poland;

² Researcher

Department of Foreign Literature

Lobachevsky National Research State

University of Nizhny Novgorod

23, Gagarin Ave.,

603950 Nizhny Novgorod, Russia

Email: r.mnich3@uw.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

Scopus AuthorID: 57210281826